рии топонимов: «Спеши за Понт, за Тигр, за Нил, за Океан» (с. 337). Особенно богаты его образы — в развитых сравнениях получает выражение разнообразие чувственного мира. Батальные сцены его трагедий заключают в себе впечатляющие примеры того стиля иррационально-возвышенного парения, который отличает его оды: «В густой крови кипя, тряслась земля багрова, / И стрелы падали дожжевых гуще тучь» (V.6, с. 360). Сумароков пародировал такие формы в своих вздорных одах. Подобным образом приверженцы Сумарокова подтрунивают над ломоносовской трагедией.[44]

Стремление к полноте и разнообразию Ломоносов осуществляет и в композиции своих трагедий, например в организации персонажей. В трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» действуют всего четыре персонажа, выступающие больше одного раза По сравнению с этим в ломоносовской трагедии «Тамира и Селим» количество персонажей удваивается. Восемь персонажей — в сравнении с переполненной разнородными персонажами сценой школьной драмы — это еще не очень много, однако по отношению к сумароковской трагедии разница остается значительной. Критики справедливо указывали в свое время, что не все из этих персонажей вполне мотивированы.[45] Это относится и к Надиру, уже упомянутому дяде Тамиры. То, как часто он берет слово, не соответствует его роли в развитии действия: произнося 33 реплики, он занимает в трагедии второе место, после Тамиры, опережая главного героя Селима, которому уделены лишь 30 реплик. Надир — проводник моральной позиции автора. Однако иногда этот персонаж является лишь мотивировкой для введения экзотических или курьезных мотивов. Так, например, мы узнаем, что Надир и Селим в прошлом пребывали в Индии, где Селим был воспитан Браминами.

В трагедии «Демофонт» имеется семь персонажей, выступающих более одного раза, среди них четыре центральных персонажа. Ломоносов здесь следует «Андромахе» Расина. У Расина четыре таких персонажа фигурируют как носители единого действия. Ломоносов удваивает сюжетную линию: у него каждая пара героев является носителем отдельного и самостоятельного действия. Как было указано критиком начала XIX века, это является нарушением классицистического принципа единства действия [46] (См. также эпистолу Сумарокова «О стихотворстве» 1747 года: «Не представляй двух действ к смешению мне дум; / Смотритель к одному свой устремляет ум»).[47]

В «Демофонте» введение второй сюжетной линии приводит к тому, что современники называли «пухлостью». Тот же самый эффект наблюдается вследствие введения патриотически-героического элемента в трагедии «Тамира и Селим». Согласно желанию своего отца, царя крымского, Тамира должна выйти замуж не за Селима, царевича багдатского, а за Мамая, злодейского татарского царя. Благодаря этому сюжетному ходу,

---

[44] См сноску 27

[45] См *Мочульский В* М В Ломоносов как драматург С 311

[46] Там же С 311

[47] *Сумароков А П* Избр произведения С 119